

Гриша просыпается, но не хочет открывать глаза. Здесь перед ним будут другие стены. Стены небольшой, но давно обжитой квартиры. Не того памятного навсегда общежития. Он старается опять заснуть, и это удаётся.

Во сне понесло его к этой комнате сокурсниц. Придумать что-то легко: спросить конспект, выпить чаю, просто поболтать. Вдруг она там? Она нередко заходит к ним в гости. И страшновато показаться там ненужным, лишним. И влечёт неостановимо. Он стучит, ему отзываются. Приоткрывает двери и, быстро пробегая глазами знакомых девушек (их всего-то четверо), спотыкается на ней. Горячая волна бьёт в голову, он чувствует, как загораются щёки. Видит ли кто-нибудь это? Она болтает с Тamarой из его группы. Но вот и на него внимание обратила, кивнула. Смотрит без особого интереса: ну вошёл да вошёл. Что-то бы сказать весёлое, как он привык в этой компании. Боже мой, и она, кажется, ждёт, что он скажет. Он заставляет себя отвести взгляд. А, была не была!

– Привет, девочки. Вы только проснулись? И надо вам сказать, я не помню утра более голубого и свежего! В этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу.

Улыбаются филологини. Он привык их баловать цитатами. А ей не показалось пошлостью?

Вдруг она спрашивает:

– Правда любите Лермонтова или это так, в шутку?

Он смущается, но отвечает всерьёз:

– Правда люблю. И прозу больше, чем стихи. У них уже вскипела кофеварка.

– Давайте будем пить чай. Вот Люське прислали настоящий индийский иркутского развеса.

Общий разговор позволяет снять это странное напряжение. А вопрос был совсем не случайным. Когда они сблизилась, он увидел, что не знает никого, кто бы так любил, понимал, чувствовал двух любимых её авторов: Лермонтова и Блока.

Случалось, что он западал на какую-то девушку. Вот недавно так вообще была у него серьёзная влюблённость. Познакомился с одной милой первокурсницей, будущим биологом. И она ответила взаимностью в тех для начала подходящих обстоятельствах: гуляли, целовались, беседовали, смотрели кино, где он уже держал её колено.

Юля жила не в общежитии и как-то пригласила в воскресенье домой чаю попить. Сказала: «Мама с нами посидит». Он, преодолев робость, пришёл. В двухкомнатной хрущёвке встретился с мамой Юли и её старшим братом, который доучи-

вался на инженера-строителя. Сидели они в комнате за прибранным столом. И цветы его поставили в красивую вазу. Пили чай с тортом. И, рассказывая о чём-то, брат завернул матом раз и другой. Грише жар в лицо бросился. На первой нецензурщине он ушам не поверил, но вторую точно услышал. Материться при маме – это было выше его понимания. Но мать и сестра как будто этого не замечали. Видно было, что все трое друг друга любят. Забавно, что брат больше не сыпал матами. Но Грише хватило. Мерзкое, грязное словцо из обихода жителей поселковых бараков. Гриша, конечно, его слышал, но так и числил в лексиконе чужих для него людей. Там оно употребимо, пусть там и остаётся. И вдруг оно здесь.

И как обломало его с этой Юлей, всякую ерунду приплёл, наврал с три короба и свёл их встречи на нет.

И вот – гостя его сокурсниц, спокойная, умная, немногословная. И он возблагодарил судьбу даже за то, что довелось познакомиться и общаться с такой. Он полюбил её, как тогда говорили в студенчестве, со страшной силой. Но, боже мой, и она его полюбила!

Он просыпался рано, просыпался позднее. Разницы большой не было. Спешить некуда. Это обрётённое спокойствие, независимость, относительное благополучие. Зачем они ему теперь нужны?

Привычным, проверенным многими способом разнообразить, расцветить жизнь был алкоголь. Начал он сдержанно, уходя с бутылкой коньячка к реке, где ещё можно было отыскать укромное место среди прибрежного тальника. Он всегда любил бегущую воду, мог сидеть и смотреть на её движение, не думая ни о чём, либо ловил себя на возникающей в голове банальности: «Вот так и наши годы...» Или Фет вспоминался, всё о том же:

*Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды.
Отчего ж не ждать?*

Или даже Конфуций: «Стоя на берегу реки, Учитель сказал: «Всё уходит, как эти воды, всякий день и всякую ночь».

Григорий Михайлович говорил себе: «Смотри-ка, я что-то читал и что-то запомнил. Эрудит! А к чему всё это?»

Начал выпивать потихоньку да вдруг увлёкся. Как-то с утра уже и не в силах был добрести до магазина. Хорошо, подвернулся сосед Виталик. Попросил его. Тот принёс бутылку, но, вручая, посмотрел укоризненно и сказал, покачивая головой: «Ох, не надо бы это, дядя Гриша. Как-то не идёт вам». И ведь пронял так ненавязчиво. Остановился.

Он тогда, в студенчестве, сочинял стихи. И далеко не сразу, но решился прочесть ей. Она слушала, и её красивые тёмные глаза смотрели доброжелательно, со вниманием. Она сказала: «А ты в стихах умнее, чем в жизни». Сомнительный комплимент? Но ведь это правда. Главная-то его жизнь была внутри, там, откуда и рождались стихотворения.

Родители Гриши жили в райцентре за сто километров. Простая семья: мать – бухгалтер, отец – экспедитор в отделе рабочего снабжения леспромхоза. И дети – он да младшая сестра. Звёзд с неба не хватало. И с чего это матушке втемяшилось (посчиталось правильным, мягче сказать) выбрать ему невесту, разумеется по её усмотрению. Ничего из этих планов не вышло. Не довелось устроить его счастье.

Гриша выбрал сам, и этот выбор не пришёлся ей по душе. Он сразу увидел это, когда привёз свою избранницу в гости и сказал о серьёзности своих планов. Мать и не собиралась скрывать раздражение, обиду за несостоявшееся сватовство, за то, что были сорваны её, материнские, планы устройства жизни сына. «Боже мой, – думал Гриша, – каким таким принцем, который составил бы партию любой красавице, виделся я ей? Кого она хотела осчастливить?»

Так сложилось, что у Гриши с мамой взаимопонимание осталось на уровне начальной школы. Она заботилась о нём, кормила, одевала, гордилась школьными отметками и успехами, принимала в доме приятелей, угощала чаем с булочками. Но уже в старших классах наметилось у них отчуждение.

Кто был в том виноват? Гриша повзрослел, а мать не хотела воспринимать его личность, особый мир. Не потому, что не разделяла его интересов и установок. Ей это было просто не нужно. Ладно бы она признала право на некую самостоятельность. К сожалению, тут дело обстояло по-

108

другому. Категорическое неприятие было непоколебимым. Гриша, не знавший иных отношений, иногда даже думал, что такое непонимание нормально.

Теперь, когда они окончили университет, начались скитания по квартирам. Ни ей в библиотеке, ни ему в многоэтажке жилья не обещали. Выхода из этой неустроенности не виделось. Зато иногда до смешного доходило. Правда, это был мрачный юмор. Сдал им комнату старик, сказав: «Сын сидит, и сидеть ему ещё года два». Вдруг – бац! – сын вышел условно-досрочно и появился в квартире. Они пришли с работы и застали заплаканного от чувств старика и сына. Те сидели на кухне за бутылкой водки. Угрюмый человек едва кивнул на их приветствие и осмотрел его Таню снизу вверх. Отводил глаза и снова на неё озирался. Гриша с женой прошли в комнату, понимая, что надо как-то объясниться. Вдруг в дверях возник этот мрачный человек с недобрыми глазами и сказал глухо: «Сегодня я у друга переночую». Остальное было понятно. Гриша только в сердцах чертыхнулся: «Ох, эта гуманность советской системы отбывания наказаний!»

А вскоре обнаружилось, что Таня беременна. В приличном жилье стали отказывать. Бабушка на окраине приютила: самой уже тяжело было и дрова рубить, и воду из колонки носить. Родилась девочка. Гриша послал открытку родителям: какие-то необязательные связи подерживались.

Отец отыскал их в городе и сказал, что надо ехать в родной дом. Этот идеалист-миротворец решил, что после такого события, как рождение внучки, всё должно пойти по-другому. Грише и раньше казалось, что отец и мать – разные по складу люди, не было у них взаимопонимания.

Но они поехали. Нет, ничего не изменилось. Если не сказать хуже. Теперь-то они не были гостями: посидели, попрощались да отбыли. Теперь они жили в этом доме. И поселились в комнатке, где Гриша поначалу жил с сестрой, а когда та повзрослела, перебралась в большую комнату. Комнату называли залом, в ней был уютный уголок за печью. А Гриша обосновался один. Появился у него рабочий стол, на левом краю стоял магнитофон «Чайка» – совсем не у каждого такая вещь в доме была, но отец-экс-

педитор сумел заполучить. Потом и книжный шкаф появился, стал заполняться хорошими книгами, потому что Ксения Петровна – продавец книжного магазина – увидела в Грише родственную душу.

Сейчас в комнатке было тесновато: кровать Ани, сумка с её распашонками, чемодан с их вещами. Теснота не главное неудобство. Уют создаётся, когда меж людьми ладится. Грише повезло: в районной газете место ему нашлось. Но в родительском доме места для них не было. Мать и с ним-то говорила холодно, скупой, а жена из общения исключалась. И отец, заходивший приласкать внучку, поболтать с ними, ничего не мог поправить. Ощущение временности пребывания здесь не проходило. И в конце концов всё разрешилось.

Приехала Лена, сестра Григория. Училась она в городе по стопам матери – на бухгалтера, но сказала, что какие-то у неё нелады произошли, побудет немного здесь. Мать к ней благоволила, они с отцом подпитывали её летние поездки на юг. Лена полюбила такое времяпрепровождение. Гриша был поражён: она сразу, не вглядываясь, не задумываясь, приняла сторону матери. И неприязнь свою не скрывала, и девочка неприязнь эту не смягчила.

Гриша пришёл домой пораньше, ещё до отца и матери. Это время они использовали для постирушек. Но сегодня молодая жена сидела заперти, потому что к сестре пришли подружки, и они, расположившись в большой комнате, шумно отмечали встречу. Вдруг Анька подала голос, то ли радуясь его приходу, то ли по своему капризу.

Подружки в комнате притихли, одна из них спросила:

– А это кто ещё там?

– А, это? – переспросила сестра. – Да приплыла тут к нам по реке одна железяка из города Чугуева.

Расхохоталась первой. И к ней присоединились подружки, знающие популярную тогда матерную частушку.

Гриша побледнел, привстал с табуретки. Жена схватила его за руки, усадила на место.

Через день они уехали. Гриша в редакции попрощался накануне, но с отцом объясняться не хотел. Собрались с утра, после того как родители ушли на работу, а сестра то ли спала, то ли книжку листала в постели. И вскоре катили рейсовым автобусом в город. А там – к однокурснику

Гриши. У того была комната в общежитии, и он не подвёл, разместил их на несколько дней. Здесь надо было не очень светиться.

И тут пофартило. Грише на улице встретился молодой человек Валера, о котором он когда-то написал в газету, электромеханик, передовик, спортсмен. Перебросились о жизни, и парень радостно вскричал:

– Вовремя же ты мне попался! Меня начальник просит найти надёжного человека! Потому надёжного, что надо работать на удалении, уединённо. Место – оператор на телевизионной трансляционной станции в далёком райцентре.

– Какой оператор? – изумился Гриша. – Я же гуманитарий. Это же авантюра чистой воды.

– Ерунда, – возразил Валера, – оборудование работает в автоматическом режиме, есть резервный блок. Профилактическая бригада является раз в полгода. Главное – ответственный человек на месте. Таким я тебя и представлю.

И вот Гриша увиделся с начальником центра. Тот сказал, что Валера за него поручился и можно выезжать на место. И отвалили они на край области, взявшись за дело обоим одинаково чуждое.

Но там был дом. Дом был поделен надвое: в одной половине стояли шкафы с оборудованием, принимавшим сигнал и передающим его давно жаждающим этого жителям. А другая половина была жильём, уютным гнездом, которое они делили только с подрастающей дочерью.

Но это счастье не продлилось даже и двух лет. Начальство настоятельно намекало, что надо бы получить соответствующее техническое образование. И пришлось покинуть этот обжитый угол, уехать в никуда.

Через пару дней они ехали на поезде в родной город жены. Не город даже, а рабочий городок, главным делом которого было производство больших огнеупорных кирпичей из магнезита.

Григорий был несколько напряжён. Для Таниных родителей он был полным незнакомцем. Хотя разве бывают незнакомцы частичные?

Вот пошли за окном совсем несибирские пейзажи. Лесистые возвышенности, а потом и настоящие каменные горы. Поезд достиг Южного Урала, миновал Челябинск. Спустя пять часов они сошли на небольшой станции. Их встречал полноватый мужчина, на вид лет пятидесяти пяти. И его добрые глаза успокоили Григория.

Тест бережно принял девочку, они пошли к машине. Потом поднимались по этажам в их квартиру, вошли. И там Гриша встретился с тещей. С этим словом у него ассоциировались персонажи из анекдотов и рассказов приятелей, как правило малосимпатичные. А здесь его сразу поразили мягкость черт, тёмные грустные глаза. Сели-откушали по приезду. Гриша ждал так называемого семейного разговора. А его не было. Не было и не случилось до дня их отъезда. Говорили о жизни, родители делились своими заботами, расспрашивали, что сегодня волнует новое поколение. Гриша рассказывал о детстве, о бабушке и видел, как внимательно слушала Татьяна Семёновна, видел, что ей это взаправду интересно. И со стыдом вспоминал, как приняли в родительском доме его избранницу.

Остаться в этом городке – такого Таня даже в мыслях не допускала. Она говорила, что ему скоро станет тесен этот городок, что он будет скучать по тем немногим своим друзьям. Потому что таких здесь не обретёт. Она понимает, что Грише хорошо с её родителями, но жизнь за пределами кухни совсем не та, к которой он привык. Она и по себе знает, насколько расширились горизонты, когда она начала учиться в сибирском городе.

Они уезжали, оставив девочку на неопределённое время.

В этот раз устроились за городом: полчаса на электричке. Но обнаружилось, как много денег уходит на дорогу. Это при том, что билеты брали до ближней станции, а ехали до своей. И неприятности с контролёрами надоели. В электричке познакомились с тихой пожилой женщиной. Помогли ей донести сумки до мичуринского домика как раз на той станции, где они окопались. Вскоре опять встретились и говорили в вагоне как свои. Она пригласила в гости. Зашли. Узнала их историю. «Так вы у меня поживите, пока что-то лучше не образуется, думаю, дочь не будет возражать», – предложила женщина. Дочь не возражала.

И вот – комната в их распоряжении. Хозяйку навещала дочь, такая же спокойная женщина. Вчетвером пили чай. Такое спокойствие воцарилось. Но как-то утром они не слышали уже привычных шаркающих шагов на кухне. И, постучав в дверь хозяйкиной комнаты, жена вошла и обнаружила её непроснувшейся. Позвонили дочери. Она их не торопила: и девять дней справили,

и сороковины. Вечером того же дня тихая дочь сообщила, что квартиру будут продавать.

Когда она ушла домой, жена сказала Грише, что хочет познакомить с одним читателем.

– Чего это вдруг? – удивился он.

– А это сам поймёшь.

Вскоре они пришли в квартиру, расположенную недалеко от центра города. Встретил их любезный хозяин лет шестидесяти. (Оказалось, пятидесяти пяти. Гриша не умел определять возраст.) Умные глаза за стёклами очков.

Жена их познакомила:

– Игорь Викторович. Григорий.

«Да-да, – вспомнил Гриша, – она про него говорила. Новый читатель у них появился. Придирчиво инспектировал библиотеку, остался доволен. Сказал, что привык к большой областной, да как-то не по пути она последние годы, а эта – в трёх шагах. Стал заходить. Открыл в его жене достойную собеседницу. Обращался к ней «милая Татьяна».

– Да, – говорил он, разливая чай по кружкам, – замечательная у вас жена, Гриша. Будь я на двадцать лет моложе, непременно увёл бы. Ну так что с моим предложением? – спрашивал он Гришу.

Тот непонимающе пожал плечами. Жена смеялась.

– Неужели не в курсе?

– Представьте себе, – смеялась жена.

– Ну однако же и плутовка вы, Татьяна.

Всё прояснилось. Оказывается, в одном разговоре в библиотеке возникла и бытовая тема. Жена обрисовала их незавидное положение.

Игорь Викторович задумался и вдруг предложил:

– А знаете что, переезжайте-ка жить ко мне.

И вот теперь он повторил предложение для них обоих.

Он рассказал, что давно на Дальнем Востоке разбился вертолёт, среди погибших был его сын – университетский аспирант. И случилось это накануне уже объявленной свадьбы. Жена умерла пять лет назад, кажется, болезнь поселилась в ней после ухода сына. Сам Игорь Викторович, по образованию биофизик, работал тогда в одном из НИИ города. Ушёл с любимой работы, чтобы ухаживать за женой.

Оставив грустную тему, заговорили о писателях, книгах, литературе. Школьная юность Игоря Викторовича пришлась на конец пятидесятих,

вузовская – на самое начало шестидесятых. Он вспоминал про Дни поэзии той поры.

– И что самое замечательное, – Игорь Викторович поднимал указательный палец, – во главе этого дела были не филологи, а мы – технари, политехники. А какие ребята к нам приезжали! Соснора! Представляете? Соснора! А следом – Кушнер!

Гриша подпал под его обаяние. Глядел во все глаза. Вдруг испугался: как бы Таня не проговорилась про то, что он пишет стихи. Нет. Промолчала, умница. Но надо же было дать ответ. И тут обозначалась ещё одна фигура – девочка, дочь Анна.

– Да что вы, ей-богу, – даже как будто обиделся Игорь Викторович, – она же у вас вполне самостоятельная, взрослая.

И взрослая дочь отправилась из этой квартиры в третий класс.

Как некий посланец небес вошёл в их жизнь Игорь Викторович. Предоставленная им комната легко разделилась на две, им было не тесно. Этот независимый метраж, конечно, стал чудом и компенсацией за отравленную бесприютную юность.

Вечера проводили на кухне за общим разговором. Изменилось мировосприятие: снова стали интересны выставки, концерты, кино. Как будто вернулось чувство прелести жизни, свободы, лёгкости.

Это можно было назвать счастьем. «Мы за трудное счастье благодарны судьбе», – вспоминал Гриша песню, слышанную в детстве, где воспевалась палатка, вальс на таёжной поляне. А тут было лёгкое семейное счастье. И наконец образовалось время на спокойное чтение. Игорь Викторович дал им на прочтение распечатку на машинке – «Москва – Петушки». «Гениальная вещь», – отрекомендовал он, не дожидаясь их оценки. Гриша прочёл с интересом, но не более того. А вот у Татьяны со старым читателем самиздата затеялся живой разговор, и Гриша, слушая их, лишний раз посетовал на свою ограниченность.

Именно в это время случилась в стране перестройка – испытание дефицитом всего самого необходимого. Но жена была прекрасной хозяйкой, он это знал давно. Из того немногочисленного, что было в магазине, она готовила на четверых сытно и вкусно.

Гриша открыл местопребывание отцу. Тот, бывая в городе, всякий раз к ним заезжал. Пере-

давал приветы от матери, но Грише они казались вымученными. Придуманными. Привозил угощение внучке, и не только ей. Приносил копчёное сало и солёную рыбу, пусть не собственного, но домашнего изготовления: соседи этим занимались. Тогда уж выставлялась на стол бутылка водки. Отец и Игорь Викторович понравились друг другу. Годы шли, отец говорил, что мать иногда прибалывает, и однажды принесли телеграмму: «Умерла». Гриша поехал хоронить один, всё устроено было как надо. После поминок сестра ему с глазу на глаз сказала, что это он ускорила кончину матери. Гриша догадался, куда она гнёт. Ответил не очень складно: «Но раздражители здесь не бывали». Сестра усмехнулась.

Не задержался на земле и отец. Он на здоровье не жаловался (не потому, что был отменного здоровья, а просто не привык), но выяснилось, что сердце-то давно надо было побережь, не раз давало сбои. Сестра продала квартиру, обустраиваясь в городе, купила себе однокомнатное жильё, передала и ему некую символическую долю.

И вот она появилась в их городской жизни. Как-то поутру в воскресенье дочь-подросток вышла к утреннему чаю, пристукнув каблучками новых туфель.

– Ух ты, а это откуда? – изумилась Татьяна.

– А это тётя Лена, – ответила дочь, хитро поглядывая на отца с матерью.

Оказывается, они встречались уже несколько раз после школы. Тётя Лена заводила её в кафе-мороженое, вот и подарок сделала.

– Я же не виновата, что вы не дружите, правда? – спросила она простодушно.

И показалось Григорию, что и не совсем простодушно это было сказано.

– Нет, не виновата, – пожал он плечами.

Дочь отправилась погулять в новой обуви.

– А ты не хочешь с ней замиришься? – спросила его жена.

– А ты? – перевёл он стрелки.

– Нет-нет, это тебе решать. Моё мнение тут никакого значения не имеет.

– Тогда нет, – жёстко сказал Григорий. – Не прощу её. Понимаешь?

– Понимаю.

И больше ничего. Не возразила, не поддержала.

Минули ещё годы. Ушёл из жизни Игорь Викторович, предусмотрительно оформивший на

них дарственную. Сейчас у дочери образовалась собственная комната, и это было очень кстати, потому что девушке и нужна была уже отдельная жилплощадь. Она успешно окончила школу, поступила на экономический в университет. Она была способной и самостоятельной. Появились подруги-ровесницы, приходили молодые люди. При встрече с родителями Аня их знакомила.

Сестра Гриши, пресловутая тётя Лена, никуда не делась. Дочь рассказывала, что она вполне состоятельна, была замужем, да развелась. Нынешнее своё финансовое благополучие обрела отнюдь не благодаря каким-то способностям: интеллектуальным или организаторским. После заочно оконченного истфака вела обществоведение в одном из городских училищ. В годы перехода к стихийному капитализму его переименовали в колледж и перепрофилировали на подготовку кадров для нефтегазовой отрасли. «Нефтянка» стала спасательным кругом для новой России, когда разрушились одни структуры и не успели сформироваться другие. Обществоведение (или теперь обществознание) сохранилось почти в первозданном виде, а вот оклады преподавателей увеличились: денежки у Газпрома были.

И вот богатенькая тётя предложила их дочери совместную поездку на турецкий курорт. Разумеется, за её счёт. Получилось. Ну а затем и на юга, как она называла это с тех пор, как родители её туда снаряжали. Опять успешно.

Взрослая дочь вдруг обнаружила настоящую привязанность к своей тётке. Так легко она её приручила. Как объяснить это? Неужели всё измеряется в материальном, точнее, денежном выражении? А почему бы и нет? Самой девочке в детстве она каких-то обид не нанесла, не оскорбила.

И всё-таки Григорий после некоторых колебаний решил поговорить с дочерью один на один. Спокойно, не живописуя, рассказал дочери о неблагоприятном или даже непорядочном поведении её ныне любимой тётки.

– Нет, – сказал он, – ты совсем не обязана была принять от нас эстафету недоверия к этому существу. Думай сама.

Когда увидел, как дочь поморщилась, понял, что его слова запоздали. Да, дочь и вправду нуждалась в поддержке, какую не могли они с женой оказать. Многотиражка, к которой он прикипел,

гикнулась вместе с крушением большого и, казалось, так необходимого стране завода. Прирабатывал по договору в городской газете, но тут его обходили на гонорах более ловкие молодые коллеги. Татьяна сохранила место в библиотеке при той же скромной зарплате.

Он думал: «С чего вдруг в сестре, холодной и расчётливой, проснулись такие родственные чувства? Чем это было вызвано? Покаянием за обиды, нанесённые матери девочки? Вряд ли. Неким снисходительно-высокомерным отщипением мне, почти маргиналу? А это уже отдаёт прямо-таки бразильским телесериалом. Да и за что мстить? С моей стороны никаких действий не было. Я просто исключил сестру из своего жизненного окружения».

Можно ли было посчитать это со стороны дочери предательством? Григорий решил, что да. Конечно, дочь не слышала мерзостей, которые тётка говорила в адрес её матери. Но теперь она знала об этом. Теперь знал и Григорий, что их тёплые, дружеские отношения продолжают.

Когда умерла Татьяна после скоротечной лёгочной болезни, он строго сказал дочери, что её старшая подруга не должна узнать об этом в ближайшее время. Как-нибудь потом. Дочь пообещала. А ведь узнай сестра о том, что случилось, вполне могла появиться, выразить сочувствие.

В детстве Гриша прибегал на бабушкин зов обедать, садился за стол. Она сразу видела: с ним что-то не так.

– Рассорился с кем-то? – спрашивала она, обнаруживая причину его подавленности.

Он рассказывал, что сосед и вроде друг закадычный обозвал жадиной, потому что Гриша не дал ему поиграть железного мотоциклиста.

А он просто боялся, что друг может затерять подарок двоюродного брата Вениамина.

– Не расстраивайся, вот нашёл причину. Всё будет хорошо, помирись не сегодня завтра. Не в словах дело. Не по словам суди, а по делам, – говорила бабушка и ставила на стол кашу с молоком.

И правда, Витька, забежав к нему под вечер, уже и не помнил свою обиду. А Гриша забывал свою.

Но бабушка была не права. Это открылось ему позже. Слова разводили далеко. Порою и насовсем.

Вот и жизнь практически прошла. Он один в двухкомнатной квартире. Нечто труднообразимое в его юные годы. Да нет, не трудно, а вообще невообразимое. Но это так. Дочь его вышла замуж за способного программиста. Молодой человек вполне понравился Григорию Михайловичу, да и он показался зятю симпатичным стариканом. Но поселились они отдельно в квартирке с евроремонтом, которую «организовали», как это называла дочь, его родители, жившие в северном городе.

– Хочешь посмотреть? – спрашивала дочь, навещая его.

Он отказывался. Почти ничего его не интересовало.

Вот тогда он и попробовал разнообразить эмоции алкоголем, обновить восприятие жизни. Нет, не удалось. Самообман не для него. Остались книги и сны. Новых книг он не покупал, а зайти в библиотеку – с её полками, столами, стойкой для выдачи книг – исключалось. Перечитывал собранные самими и перешедшие от Игоря Викторовича. Это были хорошие книги. И сны были хорошими, светлыми. Вот только пробуждение, мягко сказать, невесёлым. Ну что уж тут поделаешь.

113

